

Та самая лекция В. П. Грязева в ТулГУ, 2007г

Руслан Чумак

Высшая мера ответственности

Об ответственности конструктора перед государством

Утверждение «Советское – значит лучшее», по крайней мере в отношении стрелково-пушечного вооружения, почти бесспорно. Мы так к этому привыкли, что даже через 20 лет после крушения СССР, неудачи российского ВПК на данном направлении воспринимаются как оскорбление. Но нужно понимать, что победы советских оружейников, в значительной степени, были результатом жёсткого контроля над их работой со стороны государства.

Однажды на публичной лекции об истории разработки отечественных автоматических пушек, которую читал на кафедре РиПAM Тульского ГУ известный оружейный конструктор В. П. Грязев, мне довелось услышать поучительную историю из его жизни. Василий Петрович рассказал, как в 1970 г. во время его работы в ЦНИИТОЧМАШ он усовершенствовал звено ленты с своей автоматической пушке. При этом размеры звена, обеспечивающие его

работу в трактах питания оружия, остались, конечно, неизменными. Доработанное звено успешно прошло испытания и было запущено в производство. Беда подкралась откуда не ждали – не думая, что совершает что-то незаконное, В. П. Грязев не согласовал изменения в звене с Минавиапромом. И вот однажды из ВВС пришёл тревожный сигнал – новое звено «не лезет» в пушки, уже стоящие на серийных самолетах МиГ-21. Началось разбирательство, и В. П. Грязеву пришлось отправиться

с объяснениями к генеральному конструктору самолетов «МиГ» – Артёму Ивановичу Микояну. Грязев объяснил ему суть изменений, внесённых в звено, сказал, что никаких происшествий с ним быть не может – летчики что-то напутали (впоследствии выяснилось, что так и было) и ничего плохого он не сделал. Старый авиаконструктор молча его выслушал, а потом сказал: «Молодой человек, если бы сейчас был 1937 год, то Вы были бы уже давно расстреляны...». Авиаконструктор А. И. Микоян не пугал оружейника В. П. Грязева, он сказал правду – были и другие времена, и мера ответственности конструктора в них была иная. Но времена изменились – обошлось без расстрела...

В своих исследованиях я не занимался темой репрессий 1930–40-х гг., но в ходе архивных поисков мне приходилось сталкиваться с информацией о преследовании органами НКВД должностных лиц Оборонпрома. Причём нельзя сказать, что это были исключительно «расстрельные» меры, применяемые без оснований. По большей части и основания были, и меры воздействия ограничивались партийными взысканиями, снижением в должности или перемещением на другое место работы. Сведения о «жёстких» мерах в отношении верхнего эшелона конструкторов стрелкового оружия мне не встречались. Но здесь имеется исключение – единственным из руководителей оружейных КБ, кто был арестован и расстрелян, является Я. Г. Таубин. Вопрос, за что был так жестоко наказан, без сомнения, талантливый конструктор, долгое время не занимал меня напрямую, но информацию по теме я на всякий случай собирал. Со временем накопился объём материала, позволивший составить картину пути, приведшего Я. Г. Таубина к трагическому концу.

Конструкторское бюро под руководством Я. Г. Таубина (КБТ, позднее ОКБ-16) было организовано в декабре 1933 г. и начало работу весной 1934 г. (1). Оно располагалось в Москве по адресу ул. Большая Полянка, д. 22 и имело небольшое производство на территории Московского инструментального завода. Первой разработкой КБТ стал 40,8-мм автоматический гранатомёт Таубина-Бабурина АГ-ТБ. Несмотря на закрытие работы над гранатомётом, её в целом положительные результаты не остались незамеченными руководством страны. Поэтому, когда в начале 1938 г. был разработан новый 23-мм патрон с высокой начальной скоростью снаряда (900 м/с), разработку авиационной автоматической пушки под него поручили ОКБ-16. Параллельно такая же задача была поставлена ЦКБ-14 (г. Тула). В ОКБ-16 работу над 23-мм автоматической пушкой возглавил ведущий конструктор М. Н. Баурин, в его группу вошли А. Э. Нудельман, А. С. Суранов, В. Л. Таубкин, П. И. Грибков и др. Общее руководство работами осуществлял Я. Г. Таубин. Поскольку ОКБ-16 к тому времени имело серьёзный задел по автоматическому гранатомёту, то его конструкция легла в основу разрабатываемой пушки, что помогло спроектировать её достаточно быстро.

Автоматика пушки Таубина, получившая заводское обозначение МП-3 (МП – мотор-пушка, т.е. предназначенная для установки в развале цилиндров двигателя водяного охлаждения) работала по принципу отдачи

ствол при его длинном ходе. Питание патронами осуществлялось из механизированного магазина вместимостью 81 патрон. Патроны снаряжались в 9 обойм по 9 патронов в каждой, которые, по мере расходования, заменялись новыми с помощью специального привода. Одной из характерных особенностей схемы автоматики с длинным ходом ствола является низкий темп стрельбы – около 300 выстр./мин. Весной 1940 г. пушка МП-3 прошла государственные испытания, но ВВС требовали темпа 600 выстр./мин. Для его достижения в конструкцию пушки ввели рычажный ускорительный механизм, что позволило поднять темп до 500–550 выстр./мин, а потом, за счёт увеличения жёсткости возвратных пружин, довести его до 600–610 выстр./мин. Усовершенствованная пушка получила обозначение МП-6. Её важной положительной чертой был небольшой вес (около 70 кг) и компактность, что привлекло авиаконструкторов (2), рассчитывавших вооружить свои новые машины мощными и лёгкими пушками Таубина (3).

С этого момента начались трудности, приведшие Я. Г. Таубина к печальному финалу. Увеличение скорости подвижных частей при их прежних габаритах и массе привело к снижению живучести и ухудшению надёжности работы автоматики орудия. Большие затруднения вызвала отработка магазина, который являлся источником частых задержек. Пушку требовалось практически полностью перерабатывать и при этом менять габаритные размеры, согласованные с авиаконструкторами. Но об успешности работы над пушкой МП-6 уже было извещено руководство ВВС и НКВ, а «на хвосте» ОКБ-16 плотно «висели» туляки из ЦКБ-14 со своими пушками, и Таубин не решился на переконструирование пушки, по-видимому, считая, что может обойтись только её доработкой.

Практически в этот же период 1938 г., в процессе работы над 23-мм пушкой, Я. Г. Таубин берётся за проектирование авиационной 37-мм автоматической пушки. Но и двух находящихся в разработке пушек Я. Г. Таубину показалось мало. С 1939 г. он настойчиво предлагал ГАУ разработать 23-мм зенитную установку с пушками МП-3. И добился своего, работа была санкционирована. Однако для зенитных пушек нужны сухопутные лафеты, а опыт их создания у ОКБ-16 отсутствовал. Работа над зенитной установкой шла вяло, другие КБ оказывать помощь в разработке лафета не спешили. Постепенно Таубин забросил зенитную установку, и у начальников из НКВ и ГАУ, которые курировали его работу, появилась дополнительная головная боль – ещё одна не закрытая ОКР и напрасно истраченные деньги. А ведь мобильная зенитная установка под мощную автоматическую пушку была очень нужна РККА! В это время конкуренты Таубина из Тулы не дремали. В ЦКБ-14 разработкой 23-мм пушек занялись три группы конструкторов в составе: В. Н. Салищев и В. А. Галкин (пушка ТКБ-198); В. И. Силин, Ф. С. Батов и М. В. Сивов (ТКБ-199) и А. А. Волков и С. А. Ярцев (ТКБ-201). В начале 1940 г. пушки конструкции Салищева и Галкина (СГ) и Волкова и Ярцева (ВЯ) были готовы. Они имели автоматику с отводом пороховых газов и ленточное питание, темп стрельбы около 550–650 выстр./мин. 6 мая 1940 г. проекты этих пушек были представлены в ГАУ.

В октябре 1940 г. пушка МП-6 поступила на полигонные испытания в НИИ АВ ВВС РККА (г. Ногинск), где её установили на германском самолёте «Мессершмидт-110». МП-6 проходила испытания параллельно с пушкой ВЯ.

Тульская пушка поступила на испытания несколько раньше МП-6 и 11 октября уже завершила их наземную часть, а сотрудники полигона имели данные для сравнения. Оно показало, что баллистика и скорострельность пушек практически одинаковая. Достоинство магазинного питания пушки МП-6 полигон посчитал не очевидным по многим причинам (дорогая фрезерованная обойма, размещение магазина только с одной стороны пушки и возникающая из-за этого асимметрия масс пушечных установок и др.), недостаточная ёмкость системы питания 81 патрон, при необходимом минимуме 200 патронов. Магазин на 150 патронов (25 обойм по 6 патронов) Таубиным был заявлен, но так и не разработан. Что очень важно – установка МП-6 в крыле требовала прикрытия её специальным обтекателем, ухудшающим аэродинамику. Обойтись без него было нельзя, т.к. опустошённая обойма, выходящая из пушки, попадала в воздушный поток и, изгибаясь, заклинивалась, что приводило к остановке стрельбы. Ленточное питание пушки ВЯ позволяло обеспечить существенно меньшее поперечное сечение пушечной установки (ленты могли укладываться в крыльях на расстояние 1–1,5 м от пушки), штампованные звенья ленты стоили существенно дешевле обойм. Оценка веса пушек МП-6 и ВЯ показала, что с учётом механизмов перезарядки вес МП-6 (56 кг) был всего на 6,8 кг меньше, чем у ВЯ (62,8 кг), но у пушки ВЯ он мог быть без особых затруднений уменьшен до 52 кг. Однако если по массогабаритным характеристикам МП-6 и ВЯ были соизмеримы, то по безотказности и живучести преимущество находилось на стороне ВЯ (0,05% задержек и 0,1% поломок, по сравнению с 0,21%/0,62% у МП-6), а главное – магазинное питание МП-6 совершенно не годилось, требовалась её переделка под ленту. Пушка ВЯ, конечно, тоже имела недостатки. Поскольку она имела газотводную автоматику, отдача гасилась откатом всего орудия, что требовало подвижного лафета и гибкого патронпровода. Цикл испытаний МП-6 ещё не был завершён (она не прошла стрельбу на живучесть в объёме 10 000 выстр.), их результаты по ряду пунктов внушали тревогу, когда постановлением №423сс Комитета обороны от 16 ноября 1940 г. её приняли на вооружение ВВС РККА. А уже 20 ноября за разработку пушки Я. Г. Таубин и его заместитель М. Н. Бабурин были награждены орденами Ленина – высшей наградой СССР.

Такой исход испытаний сильно удивил тульских конструкторов Волкова и Ярцева, чья пушка раньше МП-6 прошла наземные полигонные испытания и выдержала их. Но полигон посчитал целесообразным допустить пушку ВЯ к лётным испытаниям после окончания лётных испытаний МП-6. Проще говоря, туляков «подвинули», поставив судьбу их изделия в зависимость от МП-6. Это не устроило Волкова и Ярцева, и они бросились защищать своё детище самым эффективным в то время способом – 30 ноября 1940 г. написали письмо

И. В. Сталину с изложением своего видения хода и результатов испытаний. Это письмо обошлось без последствий – положение с доводкой МП-6 тогда ещё не выглядело критическим. Но из письма Волкова и Ярцева был толк – руководство страны узнало, что у ВВС, на всякий случай, уже есть запасная пушка!

С ноября 1940 г. начался процесс организации серийного производства пушек МП-6. В соответствии с Постановлением КО №423сс от 16 ноября 1940 г. оно должно было осуществляться на заводе №2 НКВ (г. Ковров), несколько позднее к нему присоединился и завод №66 НКВ (г. Тула). Совместное Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) №2470-1100сс «О мероприятиях по обеспечению программы Наркомавиапрома на 1941 год» устанавливало объём заказа пушек МП-6 на 1941 г. в количестве 7550 штук с началом выпуска первых серийных образцов на заводе №2 с 20 января 1941 г. и на заводе №66 с 15 февраля того же года. Но практически одновременно с началом организации серийного производства МП-6 с ней начали происходить нехорошие явления. Пушка принималась на вооружение с магазинным питанием, хотя с самого начала было ясно, что необходим её перевод на ленточное питание. Складывалась странная ситуация: заводы начинают осваивать производство пушки с магазином, а параллельно с этим с середины декабря 1940 г. ОКБ-16 в авральном порядке дорабатывает пушку под ленту. В этой работе Таубина с одной стороны «подгонял» Нарком вооружения Б. Л. Ванников, с другой – конструктор штурмовика БШ-2 С. В. Ильюшин, нуждающийся в доработке места для пушки в крыле самолёта. К 27 декабря 1940 г. штурмовик БШ-2 был готов, но пушки МП-6 с ленточным питанием по-прежнему не было. Тогда Ильюшин принял решение ставить на штурмовик пушку МП-6 с магазином и в этом виде готовить его к государственным испытаниям, назначенным на 10 января 1941 г. МП-6 с ленточным питанием удалось изготовить в первых числах января, буквально накануне испытаний. С 10 по 22 января состоялись сравнительные испытания пушек ВЯ и МП-6 с ленточным питанием на двух БШ-2 и обе пушки прошли их успешно. Но Ильюшин выбрал для штурмовика пушку ВЯ, мотивировав свое решение меньшим значением усилия её отдачи.

С отдачей МП-6 вышла некрасивая история. В середине октября 1940 г. С. В. Ильюшин запросил у Таубина значение усилия отдачи его пушки для его учёта при проектировании штурмовика БШ-2. Тот сообщил усилие в 2200 кгс. И вот в ходе испытаний выясняется, что пушка МП-6 имеет значительно более сильную отдачу, чем изначально предполагалось. Проведенные в ЦАГИ исследования показали её значение около 5000–5200 кг, т.е. более чем в 2 раза больше, чем заявлено Таубиным. Ильюшина такая отдача не устроила, он стал отказываться от МП-6, ссылаясь на сильные вибрации крыла самолёта во время

Пулемёт АП-12,7 – единственный образец из упоминающихся в статье, который нам удалось найти, что называется живьём. Именно история с его разработкой, которая началась в конце 1940 г., вызвала наибольший резонанс. В конечном итоге место АП-12,7 в советских самолётах занял пулемёт Березина, принятый на вооружение ровно за 2 месяца до начала Великой Отечественной войны, а по репутации Якова Григорьевича Таубина (на фото справа) был нанесён ещё один удар

стрельбы и возможность его разрушения. Таубин отвечал Ильюшину результатами испытания пушки на Ме-110, прошедших без повреждений самолёта, доработал гидротормоз, уменьшив усилие отдачи до 3500–3800 кг, но всё равно Ильюшин пушку Таубина брать не хотел. Временное решение проблемы нашлось быстро – 17 января вышел приказ НКАП №147 «О вооружении самолёта Ил-2», определивший: на серийные штурмовики должны устанавливаться менее мощные, но надёжные 20-мм пушки ШВАК.

Позднее, в 1943 г., когда Таубина уже не было в живых и шла Великая Отечественная война, на НИИ АВ ВВС КА было установлено, что отдача ВЯ тоже превышает «заветные» 2200 кг и составляет около 4000 кг. При этом Ил-2 успешно провоевал с пушками ВЯ всю войну, без каких либо нареканий со стороны лётчиков на отдачу. Можно предположить, что Ильюшин знал о приемлемости отдачи пушки МП-6 при её использовании в крыльевой установке. Основания для таких заключений у него были – жалоб у лётчиков БШ-2 на большую отдачу МП-6, а также нарушений конструкций самолёта в ходе неоднократных лётных испытаний не отмечалось. Но видя, как тяжело идёт отработка МП-6, Ильюшин предрекал её печальную судьбу. И, чтобы не ставить срок запуска Ил-2 в серию в зависимости от пушки МП-6, он нашёл благодный предлог отказаться от неё. История с отдачей МП-6, ставшая известной, в высоких сферах выглядела так, что Таубин обманул авиаконструкторов и поставил под угрозу срыва запуск в серию новых боевых самолётов и даже безопасность их эксплуатации. Одно этого было достаточно для строгого разбирательства с трудно прогнозируемыми последствиями. Но этот вольный или невольный «прокол» Я. Г. Таубина был далеко не последним.

Возня вокруг усилия отдачи МП-6 продолжалась ещё какое-то время и закончилась «громко». Пушка МП-6 должна была устанавливаться на истребителе ЛаГГ-3, и в течение 1940 г. ОКБ-16 совместно с авиационными и моторными КБ решало вопрос об её установке в моторном отсеке самолёта. К весне 1941 г. выяснилось, что из-за значительной отдачи МП-6 в месте её соединения с двигателем М-105П образуются трещины, и пушку можно использовать только при условии усиления его

картера. Налицо был срыв задачи по вооружению пушками современных истребителей! В то время это оценивалось как явное вредительство. И тогда нарком авиационной промышленности А. И. Шахурин, спасая положение, пошёл на самоуправство – разрешил изготовление моторов М-105П с усиленным картером, не согласовав этот шаг с Правительством, Совнаркомом и ЦК ВКП(б). Но когда информация о самоуправстве Шахурин дошла до И. В. Сталина, нетерпимо относившегося к нарушениям регламента, последовало незамедлительное наказание. Постановлением СНК и ЦК ВКП(б) от 4 марта 1941 г. А. И. Шахурин был обвинён в несогласованном утяжелении мотора М-105 в целях его приспособления к пушке Таубина и предупреждён, что в дальнейшем за подобные действия последует более строгое взыскание. Но «жертва», принесённая Шахуриным, оказалась напрасной – 12 апреля в ходе очередных испытаний ЛаГГ-3 с усиленным картером мотора и МП-6 – крепление пушки снова было сорвано отдачей... В ходе этих испытаний МП-6 из первой серийной партии завода №66 показала себя крайне ненадёжной – задержки возникали в среднем одна на 15 выстрелов (у пушки ШВАК – одна задержка на 220 выстр.), часто случались поломки. Испытывавшиеся одновременно с МП-6 на том же истребителе пушки ВЯ и СГ тоже вели себя «не ах» – возникло немало задержек, поломок и даже несколько случаев выстрела при незапертом канале ствола, но положение этих пушек, по сравнению с таубинской, не вызывало особой тревоги. Ведь они были опытными, а МП-6 являлась СЕРИЙНОЙ!

В конце марта 1941 г. начались новые сравнительные испытания пушек ВЯ и МП-6 с ленточным питанием на серийных штурмовиках Ил-2. Они шли с перерывами на доработку установок и пушек до начала мая, за это время пушка МП-6 была «вылизана» конструкторами ОКБ-16 и показала удовлетворительные результаты по безотказности, не уступив пушке ВЯ. Но Государственная комиссия рекомендовала к серийному производству всё же пушку ВЯ. Такое решение появилось не на пустом месте – к марту 1941 г. руководством НКВ стало окончательно ясно – освоение производства МП-6 идёт плохо. К 20-м числам января заводы №2 и №66 практически

завершили разработку технологии, калибров, инструмента, оснастки и приспособлений под её производство, а завод №66 даже частично переоснастил цеха новой оснасткой и выпустил первые 5 пушек. По плану до конца 1941 г. предстояло выпустить 12 600 пушек МП-6 – почти в 6 раз больше, чем ШВАК, и она должна была стать основной пушкой новых боевых самолетов. Заводы начали производство МП-6, но их качество было низким. На заводских испытаниях в Туле и Коврове часто случались поломки и, что критично, массовые случаи выстрелов при незапертом канале ствола. Директора, объясняя аварии, ссылались на конструктивное несовершенство механизма противоотскока, что понятно – объяснить их только неточным изготовлением одного и того же узла сразу на двух заводах не получалось. Таубин же считал причиной аварий заводской брак. Что бы там ни было причиной, выпустить серию пригодных для поставки на авиазаводы пушек не получалось. И в этой обстановке, когда не удаётся добиться выпуска работоспособных пушек, Таубин готовит новый вариант МП-6 с ленточным питанием, что означает для заводов в ближайшей перспективе ломку с трудом организуемого производства пушек с магазинным питанием! Но надежда заставить работать МП-6, в которую было вложено столько сил и средств, ещё сохранялась. В начале мая 1941 г. на совещании у секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова в резкой форме обсуждался вопрос о возможности доработки ранее выпущенных пушек МП-6 в отношении надёжности. В итоге МП-6 сняли с серийного производства и работу над ней прекратили (4). Этот провал в работе ОКБ-16 и лично Я. Г. Таубина мог и не повлечь для него трагических последствий – прецеденты подобного неудачного хода разработок вооружения имелись. Беда была в том, что этот провал стал не единственным, произошедшим в описываемый (и довольно узкий – всего три месяца) промежуток времени. Наибольший резонанс вызвала работа Таубина над 12,7-мм авиационным пулемётом АП-12,7.

Разработка пулемета АП-12,7 была поручена ОКБ-16 Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 4 октября

1940 г. «Об изготовлении опытных образцов вооружения для НКВ». Срок разработки пулемёта устанавливался жёсткий – не позже 25 декабря он должен поступить на полигонные испытания. Требования к пулемёту были под стать срокам – по боевым характеристикам и ёмкости системы питания он не должен уступать 12,7-мм пулемету Березина, но весить в два раза меньше, а живучесть иметь в два раза больше! Почему Таубину поставили столь суровые условия? Дело в том, что к тому времени осуществлявшаяся с 1938 г. разработка пулемётов Березина и Салищева не дала ожидаемых результатов – их живучесть была низкой, доводка шла медленно. Сложно утверждать точно, но, похоже, руководство страны поверило, что «восходящая звезда» Оборонпрома Я. Г. Таубин сможет в короткий срок решить проблему оснащения авиации крупнокалиберным пулемётом. Соблюдение подобных сроков и уровня разработки даже сейчас представляется крайне трудным, а тогда возможностей было существенно меньше – САПР, ЧПУ и обрабатывающих центров ещё не было... Понимал ли Таубин всю сложность задания и меру ответственности за его неисполнение? Хотя на волне успеха с разработкой МП-6 он вполне мог поверить, что в состоянии справиться с заданием в короткий срок.

К 4 ноября 1940 г. за счёт чрезвычайного напряжения КБ и остановки работ над пушками опытный образец АП-12,7 в турельном варианте был готов. Он имел автоматику, функционирующую за счёт короткого хода ствола, магазинное питание и вес всего 12,5 кг. Обладая запасом времени до испытаний, Таубин начал переработку пулемёта под ленту ДШК (позже выяснится неудачность выбора ленты – авиаконструкторы настаивали на рассыпной ленте пулемета УБ). Пулемёт АП-12,7 показали представителю ВВС дивинженеру И. Сакриеру (впоследствии он был расстрелян вместе с Таубиным), который доложил о готовности оружия в ГУ ВВС, откуда эта информация ушла к руководству страны. Вывод о готовности пулемёта был сделан Сакриером без проведения полигонных испытаний, но на самом деле пулемёт

не мог быть даже допущен к ним, т.к. выходил из строя после 150–200 выстрелов. Дело в том, что его автоматика была спроектирована так, что могла функционировать только при больших скоростях подвижных частей (по некоторым данным – около 17–18 м/с). При этом Таубин, в погоне за снижением веса оружия, предельно сократил размеры сечений многих ответственных деталей, что привело к снижению их прочности и поломкам при соударениях на больших скоростях.

Тем временем, в конце ноября – начале декабря 1940 г. НКВ приступил к подготовке АП-12,7 к запуску в серию на заводах №74 и №2, который должен был начаться 15 февраля 1941 г. Ожидая появления пулемёта АП-12,7, с декабря 1940 г. КБ НКАП приступили к проектированию крыльевых и турельных установок, авиаконструкторов обязали включать пулемёт в комплексы вооружения перспективных самолётов (5). «Тревожный звонок» для АП-12,7 прозвенел в конце декабря 1940 г., когда он не поступил на полигонные испытания. Тем временем, к 10 января заводы практически завершили разработку технологии изготовления пулемёта, а завод №74 даже выпустил несколько пробных образцов. Ситуация с готовностью пулемётов АП-12,7 к серийному производству на заводе №74 описана его бывшим директором, впоследствии – заместителем НКВ В. Н. Новиковым. «... Конструктор Таубин сумел побывать на приёме у Маленкова, потом и у Сталина и много им наобещал. Мол, конструктора Березина, Шпитальный, Волков с Ярцевым пытаются создать новый пулемёт. Но я такой пулемёт сделаю в 2 раза более скорострельный и вдвое легче, чем сделают они. [...] Маленков и Сталин поверили Таубину. Прошло месяцев 7–8. Меня Ванников затащил на завод и заставил делать пулемет этого Таубина [...]. Наш пулемёт был совершенно сырой. Вот только тогда мне признался Нудельман – заместитель Таубина, что тот его не сделал даже в деревянном макете. Просто подготовил чертежи и сунул на завод. А я удивлялся, почему не едет конструктор, в чем дело? Приехал на завод Ванников [...], заместитель начальника Управления ВВС генерал Сакриер. При них я должен был отстрелять этот пулемёт Таубина. Я из 5 пулеметов отстрелял по 5 штук, все они отработали. [...] При второй очереди все эти пулемёты развалились. Буквально все. У одного затвор, у другого защёлка и т.д. [...]» (6). Здесь началась знакомая по МП-6 история – ОКБ-16 стало дорабатывать пулемёт в процессе организации его производства, внося существенные изменения в конструкцию многих деталей и узлов. В итоге в установленный срок производство АП-12,7 не началось. Следует обратить внимание, что и начало выпуска пушки МП-6, которое тоже должно было состояться в январе-феврале 1941 г., также было сорвано! И в обоих случаях вину за срыв программы промышленность вполне мотивированно возлагала на ОКБ-16. Информация об этом, теперь уже втором провале Таубина, была доведена до руководства страны. Ему пошли навстречу – срок представления пулемётов на испытания изменили на 10 апреля и 1 мая (турельный и синхронный варианты соответственно), а срок начала серийного производства крыльевого и турельного варианта – на 1 мая. Для проведения доработок требовалось не только время, но и деньги, и немало – Нарком вооружения Б. Л. Ванников на

Универсальный пулемёт Березина (УБ) в турельном варианте на штурмовике Ил-2

18 пулемётов запрашивал 1,7 млн руб.! Сумма по тем временам колоссальная. Но, несмотря на поддержку Таубина наркомом Ванниковым, синхронный АП-12,7 так и не был разработан, его не удалось перевести на рассыпную ленту и, самое главное, устранить низкую живучесть конструкции. Может, не будь у АП-12,7 альтернативы, руководство страны, «сжав зубы», пошло бы на его доработку несмотря ни на какие траты. Однако к этому времени туляки довели пулемёты Березина до нужных кондиций безотказности и в конце февраля 1941 г. успешно провели их лётные испытания. В этой обстановке лёгкий, но не стреляющий АП-12,7 стал не нужен, а дальнейшая возня с ним – опасной, т.к. авиация ждать новый пулемёт больше не могла. 22 апреля 1941 г. пулемёт Березина был принят на вооружение ВВС, а 1 марта вышло Постановление Правительства и ЦК ВКП(б), предписывавшее пулемёт Таубина на вооружение не ставить и его производство не организовывать. Разработанные для пулемёта АП-12,7 установки пришлось срочно переделывать под пулемёт Березина, что тоже требовало времени.

Понятно, что такие «пожарные» меры не могли не вызвать негативный настрой руководства страны в отношении Я. Г. Таубина. Но эти провалы не стали для Таубина последними. Была ещё 37-мм авиационная пушка... Работу над ней Я. Г. Таубин начал в 1938 г. К концу года макетный образец пушки был готов и протестирован представителями Военсовета ВВС. Несмотря на незаконченность конструкции, пушка имела малый для своей мощности вес (около 150 кг)

Установить 37-мм пушку Таубина на истребитель ЛаГГ-3, оказалось невозможным поскольку она не вмещается в моторный отсек самолёта...

А. А. Волков

С. А. Ярцев

В. Н. Салищев

В. А. Галкин

М. Е. Березин

Н. Ф. Токарев

и компактные размеры, чем вызвала к себе интерес со стороны ВВС. В последующие два года ОКБ-16 вело доработку 37-мм пушки в моторном варианте, но официально её разработку поручили Я. Г. Таубину только 4 октября 1940 г. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об изготовлении опытных образцов вооружения для НКО». В нём указывались и основные требования к орудию: вес 130 кг, темп стрельбы 330–350 выстр./мин, усилие отдачи не более 2 т, питание магазинное на 48 патронов. Срок подачи пушки на наземные полигонные испытания устанавливался не позднее 25 декабря 1940 г., т.е. через три месяца. Но в установленный срок пушка на испытания не поступила. Работа над ней была приостановлена Таубиным для завершения отработки пулемета АП-12,7, ситуация по которому в это время вошла в состояние «клинча». Тем самым в очередной раз выполнение постановления Правительства Таубиным было сорвано. Но и это был не последний удар по его репутации. В середине апреля 37-мм пушку Таубина попытались установить на истребитель ЛаГГ-3, но тут же выяснилось, что она не вмещается в моторный отсек самолёта...

Вот это была уже катастрофа. Все изделия конструкции Я. Г. Таубина (не он один их, разумеется, проектировал, но отвечал за каждое) – 23-мм пушка, 12,7-мм пулемёт и 37-мм пушка, на которые была сделана ставка в оснащении новых боевых самолетов, по тем или иным причинам провалились. На их разработку были потрачены огромные средства и упущено бесценное время, т.к. промышленность отвлекалась на подготовку выпуска недоработанных образцов. За это кто-то должен был ответить, и личность виновного не требовалось долго искать. В ночь с 15 на 16 мая 1941 г. Я. Г. Таубина и его заместителя М. Н. Бабурина арестовали по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных УК РСФСР ст. 58-1а, 58-7, 58-8 и 58-11.7 В тот же день – 16 мая 1941 г. вышло Постановление Политбюро «О пушечном вооружении авиации», которым отменялась программа выпуска пушек Таубина, а на вооружение ВВС принималась пушка Волкова и Ярцева. Но развернуть массовое производство

ВЯ в мирное время, к сожалению, не удалось – до начала войны осталось чуть больше месяца...

28 октября 1941 г., когда немцы стояли у ворот Москвы, в поселке Барбыш Куйбышевской области Я. Г. Таубин был расстрелян. Его заместитель М. Н. Бабури, осуждённый по тому же делу на 5 лет заключения, умер в лагере 30 августа 1944 г. Готовые пушки МП-6 тоже «репрессировали» – те из них, которые были поставлены в ВВС, на основании приказа НКАП от 21.05.1941 подлежали отправке на заводы-изготовители. Но пушкам Таубина всё же удалось поучаствовать в войне. Распоряжением ГКО №101 («Об использовании авиационного оружия по противовоздушной обороне городов») от 11 июля 1941 г. НКВ Д. Ф. Устинову предписывалось все 400 шт. хранящихся на заводах пушек МП-6 укомплектовать установками и зенитными прицелами и двумя партиями по 200 штук к 10 сентября 1941 г. передать ГАУ для укомплектования ПВО городов. Выполняя Распоряжение, в ЦКБ-14 для них спроектировали упрощённую установку (конструктор – Н. Ф. Токарев). В конце октября 1941 г. некоторое количество этих установок участвовало в отражении налётов вражеской авиации на Тулу. На этом боевая биография изделий Таубина завершилась. На много лет на упоминание о них было наложено негласное «табу». Ни одного образца пушки МП-6 до настоящего времени, похоже, не сохранилось – обнаружить их не удалось, хотя поиск шёл по всем оружейным организациям России.

После смерти Сталина Постановлением Прокуратуры СССР от 20 декабря 1955 г. дело по его обвинению Я. Г. Таубина было прекращено за отсутствием состава преступления. Итак, доказано – преступления Таубин не совершал. Так, значит, и вины не было? Формально – да. Но что-то внутри не даёт произнести это «да» твёрдо... Нам, нынешним, сложно судить дела людей той эпохи – и обвиняемых, и обвинителей, ибо жили они во время неведомого нам уровня ответственности перед страной. Пусть лучше оценку дадут их современники. Первой приведу

цитату из воспоминаний Б. Л. Ванникова. «Особенности тех лет, когда решения по важным технологическим вопросам подчас вырабатывали некомпетентные в них инстанции, и лишь на основании тех или иных обещаний, способствовали тому, что некоторые конструкторы пушек из желания «выдвинуться» становились на путь, который наносил ущерб делу и был опасен для них самих. Так получилось и с конструктором Таубиным, разрабатывавшим одну из конструкций 23-миллиметровой авиационной пушки. [...] Эта пушка была лучшей [...] если бы Таубин не пожелал преждевременно «блеснуть» не только достигнутыми успехами, но и такими, которых у него не было. Он же поступил именно так, объявив заниженные вес, габариты и силу отдачи пушки и добившись тем самым выдвижения своего проекта на первый план. [...] Сами недочёты устранялись наскоро. Таубин руководствовался при этом главным образом так называемой «конструкторской интуицией», не изучал и не анализировал причины своей неудачи, и его попытки выполнить обещанное не имели успеха» (7). Ванников описывает причину провала таубинской пушки обтекаемо, признавая, что был её сторонником и из-за этого пострадал (с 7 июня до 20 июля 1941 г. находился под следствием). Но есть такие свидетели, кто своих чувств по поводу вины Таубина не скрывал. Самую жёсткую оценку ему дал В. Н. Новиков: «...А вообще он виноват полностью, и я считаю, что из-за него много летчиков погибло. Потому что если бы он не мешал, Березин, Волков и Ярцев сделали бы хорошую пушку гораздо раньше. И мы смогли гораздо раньше перевооружить самолёты на более мощное вооружение. Он задержал это дело как минимум на полгода. Я лично считаю, что посадили Таубина за прожектёрство и обман – правильно сделали. А то, что расстреляли, наверное, неправильно. Все-таки он молодой был – 30 с чем-то лет. Ну чего стрелять? Но, правда, суд приговорил к расстрелу...» (9).

Эта статья рождалась тяжело. Речь ведь шла о судьбе конкретного человека, ставшего жертвой не только особенностей эпохи, в которой жил, но и собственных амбиций, присущих любому творческому человеку во все

времена. Процесс творения трудно поддается планированию, но особенность творчества конструктора состоит в том, что он должен выдать «на-гора» технический объект с определёнными свойствами в строго установленный срок. В случае неудачи ссылки на то, что «я не смог придумать» не проходят. Конструктор должен, обязан довести начатое дело до требуемого результата, ибо это картина в случае неудачи можно выбросить, и никто, кроме автора, не загрузит. А если не удастся работа конструктора, то будет дезорганизована работа смежных организаций, а иногда и целых отраслей промышленности. Ещё более тяжёлыми будут последствия провала разработки, если она ведётся накануне войны. В этом случае пострадают, а точнее – погибнут тысячи людей, не получивших нужного оружия. Тогда, перед войной, Красной Армии повезло, что в стране нашлись Волков, Ярцев и Березин, создавшие надёжные образцы авиационного оружия, дублирующие неудачные изделия Таубина, и их удалось подготовить к серийному производству в мирное время. Страшно подумать, что могло получиться иначе...

Сейчас, когда провалы в разработке систем и комплексов военного назначения стали настолько привычными, что на них уже не обращают внимания, трагическая судьба конструктора Я. Г. Таубина даёт нам повод задуматься о том, что если и дальше во главу угла при разработке оборонных ОКР будут ставиться интересы, не связанные с конечным результатом, то история может повториться – деньги будут истрачены, время упущено, а современного оружия не появится. А в мире снова ощутимо пахнет войной...

Автор выражает благодарность музею ОАО «Ижмаш» и М. Е. Драгунову за предоставление фото пулемета АП-12,7.

Примечание. Дополнительные материалы к разделам, помеченным в тексте статьи цифрами, размещены в блоге Р. Чумака на сайте журнала «КАЛАШНИКОВ». (<http://www.kalashnikov.ru/dialog/blogs/ruslan/>)